

Роман Поплескин

МАРФА
— DA —
МАТВЕЙ
Книга вторая

Роман Поплескин Марфа да Матвей. Книга вторая

<https://litres.ru/73982183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад Марфа и Матвей Веденские закрыли печать между мирами. Но покой не наступил. Волколаки всё ещё выходят из леса, тревожные сны терзают Марфу, а Ольховка готовится к новой беде. Поиски отца ведут их в Новгород, где они встретят новых друзей и новые испытания. Но ответы оказываются страшнее, чем они предполагали. Древние легенды о затерянных городах в горах и громовом железе становятся явью. Враг, которого они считали побеждённым, возвращается и бьёт с новой силой. Путь к правде окажется жесток. И заплатить за неё придётся огромную цену.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роман Поплескин Марфа да Матвей. Книга вторая

Пролог

Ночь над Белым Бором стояла тихая, звёздная, такая, какая бывает только в самом конце лета — когда воздух уже остыл, но земля ещё хранит дневное тепло. Луна, тонкая, как лезвие косы, висела низко над деревьями, и её свет, серебристый и холодный, пробивался сквозь голые ветви, ложась на землю причудливыми узорами.

Лес спал.

Деревья с белыми, как кость, стволами стояли неподвижно, не шелохнув ни единой веткой. Ни птиц, ни зверей, даже насекомые притихли, будто чувствовали, что ночь эта — не простая. Тишина была такой полной, что казалось, можно услышать, как падают звёзды с неба. Мягкий мох стелился под ногами пружинистым ковром, поглощая любой звук, и даже случайный ветерок, забредший сюда, не смел нарушить эту величественную, древнюю тишину.

Тишина эта была особенной, звенящей, наполненной до краёв памятью. Казалось, сами камни и деревья помнили тот

день, когда грань между мирами трещала по швам, и двое детей закрыли её ценой своей крови и мужества. Теперь же здесь царил покой. Умиротворение. Забвение.

Луна поднялась выше, и её свет залил поляну жидким серебром. Стволы белых деревьев, покрытых рунами, вспыхнули ответным сиянием — не ярким, не живым, а тем особенным, холодным свечением, какое бывает у костей, пролежавших в земле тысячу лет. Каждая ветка, каждая неровность коры отбрасывала длинные, искореженные тени, которые тянулись к центру поляны, будто хотели коснуться того, что там стояло.

Красота этого места была мёртвой. Не той, что пугает, а той, что заставляет замереть, забыть о дыхании и почувствовать себя песчинкой перед вечностью. Здесь не пели птицы, не шуршали листья — здесь царила абсолютная, величественная тишина, которая давила на уши, заставляла сердце биться громче обычного. Воздух был прозрачен и неподвижен, и в нём, казалось, застыли сами звуки веков.

В центре поляны, как пуп земли, стоял Камень.

Он был огромен — три человеческих роста в высоту, не меньше. Формой напоминал яйцо, поставленное вертикально, но время и непогода сделали своё дело: некогда гладкая поверхность теперь была покрыта глубокими трещинами, похожими на морщины древнего старца. Серый, с едва заметными прожилками кварца, он не отражал лунный свет — он впитывал его, оставаясь тёмным, почти чёрным на фо-

не сияющих деревьев.

Камень спал. Его дыхание, если оно и было, не ощущалось. Пульсация, которую помнили те, кто видел его раньше, исчезла. Он был просто камнем — холодным, безмолвным, потухшим. И всё же в его неподвижности чувствовалась скрытая сила. Как у зверя, который притворяется мёртвым, но при малейшей опасности готов вскочить.

Бока камня поросли плющом — его тёмно-зелёные листья, покрытые серебристым налётом, цеплялись за трещины, ползли вверх, пытаясь скрыть древние письмена, что когда-то горели на поверхности. У подножия мох стелился густым, мягким ковром, поглощая любые звуки, делая шаги неслышными. Там, где мох был особенно толстым, из него проглядывали мелкие белые цветы — ночные фиалки, распускающиеся только при луне.

Трещины на Камне зияли тёмными провалами. Некоторые были тонкими, как паутина, другие — широкими, в палец толщиной. Из самой глубокой, у самого основания, сочилась вода — или не вода, а что-то более тягучее, более древнее, но при лунном свете это было незаметно.

Всё здесь дышало древностью. Камень помнил времена, когда боги ходили по земле, когда волоты строили горы, а люди ещё не научились говорить. Он помнил битву, помнил кровь, помнил клятвы. И хранил их.

А потом тишина треснула.

Сначала едва слышно — где-то далеко, на краю поля-

ны, хрустнула ветка. Звук был таким неестественным в этом мёртвом безмолвии, что казалось, сам воздух содрогнулся. Потом — ещё один шаг. И ещё. Хруст сухих листьев, шорох мха под подошвой, треск мелких сучьев — всё это вривалось в благоговейную тишину, как острые камни в гладь спокойной воды.

Напряжение росло с каждым звуком. Кто-то шёл. Шёл уверенно, не таясь, не оглядываясь. Шаги раздавались всё громче, всё ближе, и уже можно было различить не только хруст, но и глухое, мерное постукивание — может быть, посоха, может быть, тяжёлой походной палки. Этот стук отдавался в груди, заставляя сердце биться в такт.

Деревья, казалось, сжимались, пропуская незваного гостя. Тени метались между стволами, будто предупреждая о чём-то, но он не обращал на них внимания. Шёл прямо к Камню.

Наконец из чащи, из-за последнего ряда белых деревьев, показался силуэт. Человек в тёмном, почти чёрном плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. Он был невысок, но в его походке чувствовалась уверенность и сила. Он не крался, не прятался — он шёл как хозяин, который пришёл забирать своё.

Несколько мгновений он стоял на опушке, оглядывая поляну. Голова его медленно поворачивалась из стороны в сторону — он изучал деревья, землю, луну, а потом остановил взгляд на Камне. Долго смотрел на него. Очень долго.

Затем шагнул вперёд, и тьма плаща растворила свет луны.

Он вышел на поляну. Подошёл к Камню вплотную. Поднял руку и медленно провёл по холодной, потрескавшейся поверхности кончиками пальцев. Жест был почти нежным, почти ласковым.

— Спишь. Голос был тихим, но в этой тишине прозвучал как удар набата.

Человек в чёрном медленно обошёл Камень по кругу. Пальцы его, бледные в лунном свете, скользили по холодной поверхности, ощупывая трещины, письмена, углубления. Он словно изучал Камень заново, хотя, казалось, знал его вдоль и поперёк. Остановился у самой широкой трещины, кивнул своим мыслям, и начал.

Тяжёлый рюкзак опустился на мох с глухим стуком. Из него были извлечены предметы: литая чаша из тёмного металла, тускло поблёскивающая в свете луны; пять чёрных свечей, толстых, грубых, с фитилями, скрученными из скрученной пакли; и нож — не простой, с лезвием, покрытым письменами, которые, казалось, шевелились в неверном свете.

Он расставил свечи в пяти направлениях, не по звёздам, не по ветру — куда-то в пустоту. Зажёг их от лучины, которую достал из-за пазухи.

Пламя не было жёлтым.

Оно вспыхнуло зелёным — болотным, ядовитым, и свет его лёг на Камень, на деревья, на лицо (скрытое капюшоном) так, что обычный мир исчез, уступив место иному, где цари-

ли тени.

Из того же рюкзака он извлёк небольшие лезвия — тонкие, длинные, с тусклым серебряным отливом. Каждое было острым, как жало змеи. Он подошёл к первой трещине, из которой сочилась вода или что-то более древнее, и вонзил лезвие прямо в плоть камня, глубоко, почти по рукоять.

— Первая рана, — прошептал он. — Первая память. Открой глаза.

Зелёное пламя свечей дёрнулось, будто кто-то невидимый дохнул на него, и вспыхнуло багровым.

Он перешёл ко второй трещине. Вонзил второе лезвие.

— Вторая рана. Вторая память. Раскрой уши.

Огонь свечей полыхнул синим, холодным, как ледяная вода.

Третье лезвие — в самую глубокую трещину, ту, что зияла чёрной пастью у основания Камня.

— Третья рана. Третья память. Вспомни.

Пламя погасло. Все пять свечей погасли разом, и поляна погрузилась во тьму. Такую густую, что луна, казалось, съжилась и спряталась за облака.

Но человек не остановился. В темноте он обошёл Камень, втыкая одно лезвие за другим, и каждое его слово было как удар молота:

— Четвёртая рана. Пятая. Шестая. Седьмая. Вспомни боль. Вспомни кровь. Вспомни клятвы. Проснись!

Свечи зажглись снова. Но теперь каждая горела сво-

им цветом: зелёным, багровым, синим, жёлтым, как старая кость, и чёрным, поглощающим свет.

Человек опустился на колени перед Камнем. Закатал рукав. Лезвие ножа, того самого, с письменами, полоснуло по запястью — глубоко, вскрывая не только кожу, но и саму жизнь.

Кровь не была красной. Она была чёрной, как смола, и текла густо, нехотя, падая в подставленную чашу с глухим, тошнотворным шлепком. Когда чаша наполнилась до краёв, человек поднялся. Подошёл к Камню. И выплеснул содержимое прямо на серую, потрескавшуюся поверхность.

Кровь растеклась по камню, заполняя трещины, впитываясь в письмена, исчезая в глубине. А когда чаша опустела, человек взял нож обеими руками и с размаху вонзил его в самое сердце камня — в то место, где когда-то пульсировал слабый, умирающий свет.

Клинок вошёл по рукоять. И в тот же миг Камень закричал.

Это был не звук, не вибрация, не стон. Это было нечто, родившееся внутри, в самой природе вещей, и вырвавшееся наружу немым, всепроникающим воплем, от которого земля содрогнулась.

Всё затихло на мгновение. А затем камень издал волну.

Она ударила во все стороны, невидимая, но осязаемая, как удар огромного колокола. Человека в чёрном отшвырнуло на несколько шагов назад, он едва устоял, вцепившись в бли-

жайшее дерево. Волна прокатилась по стволам, сдирая кору, вырывая сучья, разметая сухие ветки в щепки. С треском и воем полетели в стороны обломки, поднялась пыль, и на секунду показалось, что сам лес застонал в агонии.

Деревья, ещё миг назад сиявшие серебряным светом, потухли. Их магия, питавшаяся от древней печати, угасла, оставив лишь голые белые стволы, похожие на кости. А через мгновение на их коре вспыхнули письмена — ярким, оранжево-красным пламенем.

Горел воздух. Горели деревья. Горели даже мох и трава под ногами, охваченные неестественным, колдовским огнём, что не подчинялся законам природы. Всё вокруг камня полыхало, отбрасывая багровые тени, пляшущие в диком танце. Жар стоял такой, что воздух дрожал.

В свете этого зарева было видно, как по камню побежали трещины.

Сначала тонкие, как паутина, потом всё шире, глубже, разрывая древнюю плоть менгира. Куски откалывались от него — сначала мелкие, со звоном падающие на выжженную землю, потом всё крупнее. Камень разрушался.

Человек в чёрном стоял, прикрывая лицо рукой от летящих осколков, и смотрел. Глаза его горели — отблеском пламени или собственным светом, было не разобрать.

И камень с глухим, тяжёлым стоном осел, треснул пополам, и две его половины рухнули в разные стороны, подняв облако пыли и пепла. Остатки рухнули следом, и вскоре на

месте некогда величественного менгира лежала лишь гряда бесформенных обломков.

Обычных обломков. Никакой магии. Никакого свечения. Просто древний, старый камень, каких много в лесах и горах.

Человек шагнул к гряде, наклонился, поднял один осколок. Провёл по нему пальцем — стёр пепел и грязь. Под ним ничего не было. Ни рун, ни знаков. Ничего, кроме холодного, мёртвого камня.

— Исполнено — сказал он. И в его голосе не было радости — только холодная, пустая констатация факта.

Он убрал осколок в карман, поправил капюшон и, не оглядываясь, зашагал прочь от разрушенного камня.

За его спиной догорал лес. Ветер, поднявшийся откуда ни возьмись, раздувал пламя, и скоро весь Белый Бор превратился в пылающий костёр. Чёрный дым поднимался к небу, застилая звёзды, и в этом дыму, в этом пламени, в этом хаосе, кто-то уже начинал двигаться.

Из трещин в земле, из-под корней обгоревших деревьев, из самого сердца разрушенной печати поднимались они — навьи. Серые, тощие, с пустыми глазницами и длинными, костлявыми руками. Они поднимались из земли, как ростки из семян, стряхивали с себя комья грязи и замирали, поворачивая головы в сторону удаляющейся фигуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.